

КОЛОННЫЙ ЗАЛ

Фактура ностальгии

Удивительно, как по-разному видят окружающий мир фотографы разных поколений

«**В**окальные параллели» Рустама Хамдамова — претендент на звание «Провал года». Слишком многосмысленное кино, названное фильмом-концертом, смотрится то ли большим гламурным клипом, то ли набором картинок с музыкой. Что привлекает в нем, так это образ империи, на фоне которого мелькает «Оле-Лукойе без зонтика» — девушка с косой, конференсье Рената Литвинова. Странным образом тут она лишена своей манерной ломкости — непосредственная, а потому отчаянно жестокая, как сама история. Надо думать, свой особый, параллельный «вокальному» смысл фильм набрал за те десять лет, что прошли от начала съемок до окончательного монтажа. Задуманный как панегирик оперному искусству ушедшей эпохи Советов, он стал фильмом обо всем имперском вообще. Ностальгические нотки растворились в обобщениях, имена героев забыты и не ассоциируются со «славным прошлым». То, что прежде подняло бы волну теплых воспоминаний, теперь воспринимаешь с изрядной долей острашения и даже скепсиса.

Чередующиеся картины — реконструкция величественного прошлого. Его фактура, нивелированная до знака, продуцирует образ мифологической империи, «империи вообще». И тут уже не важно — погибла она сто или тысячи лет назад. Что-то, возможно помимо воли автора, лишило эти целлулоидные образы ностальгии. А может, время ностальгии, как и время старых песен о главном, проходит.

А родилось это любование прошлым незадолго до того, как Хамдамов начал снимать свой фильм. Вспомним, например, первые работы Игоря Мухина — это было время, когда стало ясно, что вещи, с которыми были связаны быт и жизнь советских людей, вскоре исчезнут. Тогда же казалось, что ностальгическую ноту работ Мухина задают именно объекты съемки. Но время шло, мир вокруг менялся, а на его изображениях все оставалось по-прежнему. И возрастная категория героев все та же — «молодые», и пей-

заж за их спинами все тот же — готовый к распаду, хотя уже и не СССР. Это как бы авангард наоборот — если Родченко удалось изображать современность как уже наступившее будущее, то Мухин показывает прошлое в дне сегодняшнем.

На какое-то время ностальгия стала одной из ведущих тем для множества фотографов, родившихся на территории бывших социалистических стран. «Уходящая натура», пойманная талантливыми мастерами на сломе времен, была мгновенно узнава публикой, коллегами, критиками, стала привычной составляющей современной визуальной культу-

«Это как бы авангард наоборот — если Родченко удалось изображать современность как уже наступившее будущее, то Мухин показывает прошлое в дне сегодняшнем»

ры и как бы закрепила за сегодняшним взглядом на советское то внимательное разглядывание, бесконечное прощание, любовное припоминание, что и составляет ностальгический дискурс. Со временем кажущаяся простота позволила деконструировать, разобрать на приемы и превратила в «фишку» то, что значилось художественным открытием. Так, научив нас видеть, фотография создала и некий стереотип, отказаться от которого уже сложно. Черно-белое, богатое фактурой изображение среды или предметов «вышедших из тиража», но еще присутствующих в быту, стало знаком определенной эпохи. Так или иначе, во всем этом угадывалась если не попытка реанимации, то инфантильные порывы еще раз «восстановить мгновенье».

Иначе мыслят фотографы, чье детство прошло уже в капиталистическую эпоху. Так, у молодого чешского мастера Иренеуша Зежджалки, показавшего в прошлом году в Москве свою серию «Седиментация», поражает отсутствие ностальгического наст-

роения в изображении тех же самых предметов. Его взгляд кажется абсолютно незаинтересованным, так как на прошлое он смотрит не из прошлого же, а из сегодня — не припоминая, а исследуя. Свет на его фотографиях — как бы сам по себе, чистая эманация, он падает на предметы так, что при всем разнообразии оттенков серого, поверхности предметов не ощущаешь. Поэтому фактуры, которыми уже так привычно любоваться и которые, привычно же, называют «фактурой времени», у Зежджалки — либо нивелированы, либо гипертрофированы. Нет того тепла и той вещественности,

что служат обязательными элементами «ностальгического». Предметы превращены в знаки — для автора они не «уходящие», а «давно ушедшие», и видно, что некоторые вызывают у него недоумение, так как их назначение уже неясно. Зежджалка запечатлевает родной провинциальный городок так, как будто посетил его впервые и заново открывает. Бросается в глаза не просто пустынность — остро ощущается отсутствие человека, покинутость и брошенность. Но покинутым у Зежджалки оказывается не столько место, сколько само время. Время, которое кто-то еще доживает, но которого уже не существует для него самого.

Седиментация — геологический термин. Он обозначает отложение горных пород. В нашем случае — это еще и масштаб отстранения, вполне геологический, не через года, а через эпохи. Попытка взглянуть на прошлое с безличным интересом археолога. В отличие от провального Хамдамовского острашения, тут оно — вполне осознанное.

Андрей КУДРЯШОВ